

га, которого облекла она ослепительным блеском всего великого и прекрасного, как сделала бы всякая любящая женщина.

«Любезный Альфонс! У меня нет более друзей в эту минуту, но, сомневаясь во всех, я ни мало не усомнился в твоей дружбе. Обращаюсь к тебе и прошу последней дружеской услуги — заняться моими делами в Париже и устроить их для меня как можно выгоднее. Тебе, без сомнения, известно мое положение. У меня нет ничего, и я отправляюсь в Индию. Вместе с письмом к тебе отправляю письма ко всем, кому я должен. В письме моем
10 найдешь реестр всех долгов моих; я сделал его на память. Для уплаты долгов, вероятно, станет моей библиотеки, мебели, экипажа и лошадей. Оставляю себе только одно необходимое и малое. В случае запрещений я пришлю доверенность по всей форме. Пришли мне всё мое оружие. Бритона дарю тебе; никто не оценит достойным образом это прекрасное животное. Роберт окончил мне прекрасную дорожную карету; но еще не обил ее. Уговори его, чтобы он взял ее назад. Если он не согласится, устрой так, чтобы честь моя нисколько не страдала. Я проиграл
б луидоров англичанину — отдай ему...»

20 Она не могла окончить.

— Милый Шарль! — прошептала она и, взяв со стола одну из зажженных свечей, выбежала из комнаты.

Придя в свою спальню, она радостно отперла ящик своего комода из дубового дерева, прекрасной работы, в так называемом вкусе «возрождения». На нем еще виднелась королевская саламандра. Из ящика вынула она туго набитый красный кошелек, вышитый канителью, с золотыми застежками, доставшийся ей от покойной бабушки.

Горделиво свесила она его на руках своих и с наслаждением
30 стала пересчитывать свое сокровище.

Сперва отделила она 20 португальских червонцев, вычеканенных еще при Иоанне V, в 1725 году. Они стоили, по крайней мере, 168 франков 64 сантима, как ценил их старик отец. Но настоящая цена их была в 180 франков, по красоте и редкости монеты.

Потом пять генуэзских червонцев, ходивших по сту ливров в Генуе, стоивших на обмен 87 франков каждая; но для любителей монета ценилась и во сто франков. Они достались Евгению от покойного старичка Ла Бертельера. Далее три золотых испанских кадруля, времен Филиппа V-го, вычеканенных в
40 1729 году; подарок госпожи Жантильи, которая каждый раз, даря их, говорила:

— Этот хорошенький червончик, этот желтенький милушка стоит девяносто восемь ливров. Береги, душенька; это красавчик из твоего сокровища.